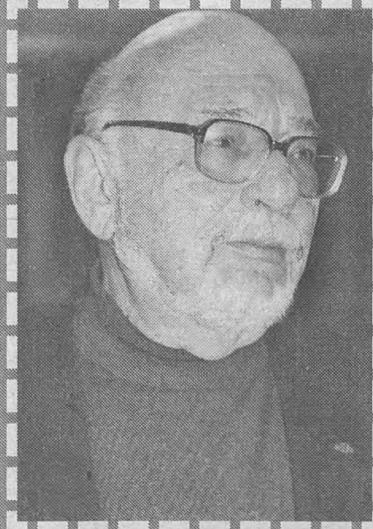

ЕЖИ ГОФМАН: «МЕЧТАЮ СНЯТЬ СВОЮ «СИБИРИАДУ»...

Великий польский режиссер,
создатель фильма
«Огнем и мечом»,
когда-то дрался
стенка на стенку в тайге

ЕЖИ Гофман - один из великих режиссеров, принесших мировую славу польскому кино. Особенно прогрессивны его фильмы «Гангстеры и филантропы», «Знахарь», а также экранизация трилогии Генрика Сенкевича - «Потоп», «Пан Володыевский», «Огнем и мечом». Недавно Ежи Гофман побывал на Гатчинском фестивале «Литература и искусство». В плотном графике мастера нашлось время для общения с корреспондентом «Смены».

«Режиссер эмоций»

- **Пан Ежи, из четырнадцати снятых вами фильмов восемь - экранизации. В основном исторических романов. С чем это связано?**

- Я люблю историю. Но в ней для меня исторические события не самое важное. Куда важнее человеческие страсти. Можно прекрасно снять костюмированный фильм, и он не тронет сердце зрителя, если в нем не будет извечных человеческих страстей. Любовь, ненависть, ревность, жажда власти - вот о чем мои картины. Я не режиссер ума. Я режиссер эмоций. И если эмоция бьет с экрана и достигает зрителя, я побеждаю.

«Сибиряки делились с нами последним...»

- **Я слышал, как Михаил Козаков называл вас Юрой...**

- Так меня звали и в Сибири в детстве во время войны, и потом, когда я учился в Москве во ВГИКе.

- **Как вы, поляк, оказались в Сибири?**

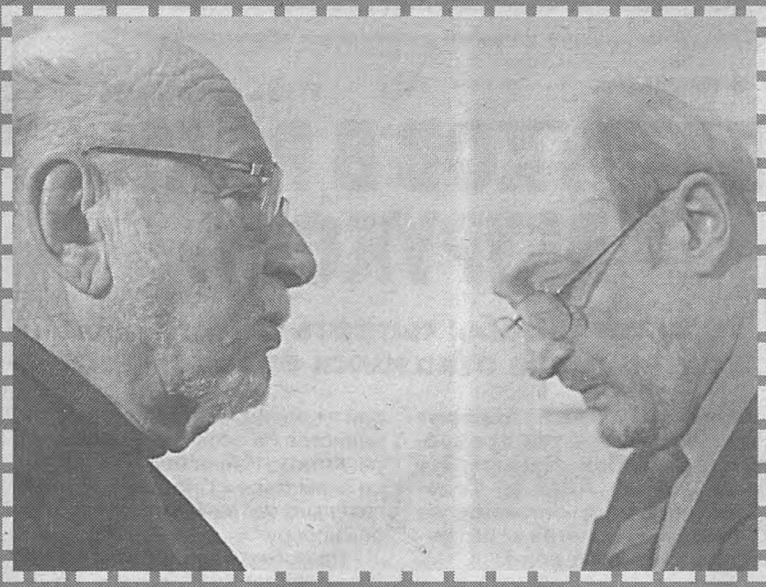
- Мое детство кончилось в семь лет. В 39-м году гитлеровская Германия напала на Польшу. Мы эвакуировались в Восточную Польшу, на территорию нынешней Западной Украины. Вскоре туда вступила Красная Армия, а в 40-м году почти два миллиона поляков принудительно вывели - кого куда. Нашу семью - в Сибирь, других - в Казахстан. Я рос в тайге среди староверов. Там каждая польская книга была нарасхват. Книги переписывались химическими карандашами.

- **Вы допускаете, что, может быть, благодаря насильственному переселению в Сибирь остались живы?**

- Это несомненно. У меня 27 человек родственников, близких и дальних, погибло во время Холокоста. А в Сибири я оставил только деда, в Алтайском крае - бабушку, и в Казахстане - тетку. Соотношение «3 к 27» о многом говорит. В жизни много парадоксов. И то, что я жив, потому что нас вывели в 40-м году, тоже парадокс, счастливый для меня. Меня часто спрашивают: откуда твои симпатии к России? Я не устаю повторять одно и то же. Все, что было плохого, а иногда и ужасного, всегда шло исключительно со стороны властей. И ни-

когда со стороны простых сибиряков. Многие из этих людей тоже были либо ссыльными, либо потомками ссыльных. Они и сами-то пережили немало. Помню, после амнистии мы, несколько семей, обозом трое с половиной суток ехали на санях до какого-то полустанка. Люди впускали нас к себе в дома. Кормили нас тем же, что ели сами. Спали, как и мы, на полатах. И в Алтайском крае, на поселении, местные жители помогали нам вспахивать целину, сажать картошку. Без картошки невозможно было выжить.

ду по очередной амнистии. И сразу же поднималась волна преступности... В Сибири мы, подростки, конечно же, дрались. Иногда - жестоко. Но никогда не брали в руки ножи. Потому что за нож сразу давали 10 лет. А за «свинцовку» - нет. Свинцовая плитка крепилась к ладони. Били наотмашь, но не кулаком, а открытой ладонью. Если бы кулаком, пальцы сами себе точно бы разможжили. Иногда дрались улица на улице. Но, я думаю, мальчишеские потасовки не самая большая проблема для человечества.

Наша семья вернулась в Польшу раньше многих других. Первыми возвращались семьи военных. А мой отец служил в дивизии имени Тадеуша Костюшко. Встретился я с ним в Праге (так называется район Варшавы). Мы двое суток кочевали в разрушенном городе в поисках прибежища. И вдруг на вокзале я увидел отца. Он шел по возвышению, до которого было больше двух с половиной метров. Я крикнул: «Папа!» - и прыгнул. Это был какой-то невероятный прыжок. Ничего подобного больше в моей жизни не было. Я подпрыгнул, и какая-то неведомая сила понесла меня вверх. Буквально через мгновение я оказался в объятиях отца.

Во ВГИК поступил по блату

- **Почему вы выбрали ВГИК?**

- В Лодзинскую киношколу в то время принимали только после окончания другого гуманитарного учебного заведения. Поэтому я послал документы во ВГИК. Но и туда не поступил бы, если бы конкурсный экзамен не сдал по блату. Под конец экзамена, когда было ясно, что мое дело швах, вдруг выяснилось, что председатель экзаменационной комиссии был близким фронтовым другом моего отца. Сначала он посмотрел на меня так, что никаких сомнений в том, что я провалился, быть не могло. Но потом он взял в руки мои бумаги и вдруг спрашивает: «Гофман, Гофман... А Зигмунд Гофман из Первой дивизии не ваш родственник?» - «Это мой отец. А что?» - «Все хорошо, спасибо, идите».

За нож давали 10 лет!

- **Ваша первая картина была документальной - о хулиганах. Почему именно эта тема вас заинтересовала?**

- Шел 1956 год. Время «оттепели». Стало можно говорить о темах, на которые раньше было наложено табу. А поскольку ни бандитизма, ни тем более проституции официально в Польше да и в Советском Союзе не существовало, то мы с Эдвардом Скужевским, моим соотечественником, сняли фильм «Внимание: хулиганы!». В СССР тогда в число хулиганов зачислялись и бандиты, совершившие убийства. Под видом хулиганов их выпускали на свобо-

ду по очередной амнистии. И сразу же поднималась волна преступности... В Сибири мы, подростки, конечно же, дрались. Иногда - жестоко. Но никогда не брали в руки ножи. Потому что за нож сразу давали 10 лет. А за «свинцовку» - нет. Свинцовая плитка крепилась к ладони. Били наотмашь, но не кулаком, а открытой ладонью. Если бы кулаком, пальцы сами себе точно бы разможжили. Иногда дрались улица на улице. Но, я думаю, мальчишеские потасовки не самая большая проблема для человечества.

Открыл полякам Домогарова

- **Вы ведь сейчас снимаете документальный фильм об Украине, взяв период от Крещения до наших дней.**

- Сценарий пишет сама жизнь. Передо мной не стоит задача расставить все точки над «i». Я говорю открыто, что представляю только свое мнение. У Польши с Украиной - общая история на протяжении многих столетий. Есть и личные мотивы. Моя покойная жена Валентина - киевлянка. В Киеве и сейчас живут мои родственники и друзья. Я встретился с президентом Кучмой, сказал, что хочу снять такую картину. В ответ услышал, что мне полностью доверяют, что фильм «Огнем и мечом», которого боялись и поляки, и украинцы, - это же тема восстания Богдана Хмельницкого! - сделал больше, чем дипломатия многих лет.

- **Вы начинали с документального кино, к нему и вернулись. Круг замыкается?**

- Я понимаю, что с ринга нужно вовремя уйти, но не думаю, что мой круг уже замкнулся. Я мечтаю снять свою «Сибиряду», художественный фильм о Сибири, увиденной глазами 10 - 14-летнего мальчишки.

- **Во многих ваших картинах играют российские актеры. Александр Домогаров например...**

- Мне привезли рекламные ролики ваших актерских агентств. Я увидел Сашу, пригласил на пробы, но еще до их окончания точно знал, что Богуна в фильме «Огнем и мечом» будет играть он. После выхода картины Домогаров стал страшно популярен в Польше. Даже больше, чем в России. Он играет у нас в театре. Девушки на спектакли с его участием съезжаются со всех уголков Польши.

- **Вы очень много курите...**

- Увы, да. Но я вот что вам скажу. Моей матери не хватало трех месяцев до 100 лет. Когда меня обследовал один немецкий профессор, он сказал: «По генетике вы происходите из очень долгого рода, но своим образом жизни делаете все, чтобы этого долголетия лишиться». И вы знаете, что я ему ответил? «Так точно, господин профессор!»

Владимир ЖЕЛТОВ
Фото Елены МУЛИНОЙ